

СОСТОЯНИЕ ВЕСОМОСТИ

Андрей Казанский. Поздравляю с победой, Эдуард! Расскажи подробнее о турнире. Каково это – участвовать в поэтическом состязании?

Эдуард Учаров. Спасибо, Андрей. Должен признаться, что в такого рода турнирах принял участие впервые. Особого волнения не испытывал, так как воспринимал всё это больше как игру. Но и ударить в грязь лицом тоже не хотелось. Самое сложное, по-моему, происходило на первом этапе, поскольку из более чем двадцати участников отсеялось большинство, в том числе несколько известных поэтов. Мы читали по одному стихотворению из любовной лирики, и нужно было сразу заявить о себе, чтобы жюри тебя заметило и выделило. Видимо, у меня это получилось, и я вошёл в число семи поэтов, прошедших во второй тур.

А. К. Какая вещь помогла тебе это сделать?

Э. У. Я прочитал стихотворение «В понедельник», посвящённое моей жене.

А. К. Да, помню его, и особенно – финал:

...Задышав глубоко в понедельник,
Отыскать голубиную клеть
И застуженный крестик нательный
У меня на груди отогреть.

Э. У. Рад, что некоторые мои стихи запоминаются. Во втором круге мы читали уже по два стихотворения из пейзажной лирики. В итоге жюри отобрало четырёх полуфиналистов. Я прочитал «Октябрь» и «За облаками вёрсты наверх» – относительно короткие вещи. Надо отметить, что жюри приветствовало краткость, и случилось так, что оно не пропустило одного из поэтов, читавших хорошие, но слишком затянутые вещи. Полуфинал потребовал от нас философской тематики, и я вышел к микрофону со стихотворением «Стоматология». Сочувствующие взгляды жюри подтвердили правильность моего выбора. Видимо, зубная боль памятна и близка каждому. *(Улыбается.)*

А. К. Кто же прошёл в финал, кроме тебя?

Э. У. Финалистом оказался неизвестный мне ранее поэт Андрей Зефирин, отличившийся яркой авторской декламацией. Мы прочли по стихотворению на свободную тему, я выбрал «Лядской сад», который и принёс мне победу. По всей видимости, помогла энергетика Лядского сада, расположенного в пятидесяти метрах от усадьбы Сандецкого. Также неожиданно приятно мне было слышать поддержку зрителей, которые в финале скандировали моё имя. В итоге, после небольшого совещания Сергей Надеев, ответственный секретарь журнала «Дружба народов» и председатель жюри турнира, «обозвал» меня «королём поэтов» и поздравил с будущей публикацией в своём журнале.

А. К. Как ты оцениваешь уровень остальных участников?

Э. У. Конечно, любая победа – вещь субъективная. Шансы были у всех. На мой взгляд, уровень был неплохой, звучало немало хороших стихов. Но следует отличать поэзию, которую читают глазами, от поэзии, читаемой вслух перед публикой. Тут большую роль играет артистизм, личное обаяние и даже внешний вид. Кто-то просто элементарно не справился с волнением. А в целом праздник поэзии удался. Замечательно, что любой человек имел возможность выйти к микрофону и заявить о себе.

А. К. Эдуард, а я вспоминаю, как ты заявил о себе на одном из Аксёновских фестивалей, прочитав стихотворение спиной к публике. Что это было?

Э. У. Да, я встал перед портретом Василия Павловича и прочитал стихотворение, глядя на него, а не в зал. Это не было эпатажем. Дело в том, что в театральной драматургии существует негласное правило: если артист стоит спиной к зрителям, то его условно на сцене как бы нет. Таким образом, я хотел, чтобы зрители обращали внимание не на меня, а только слушали мой голос и смотрели на портрет Аксёнова. Поэтому никакого неуважения к зрителям в моём перформансе не заключалось.

А. К. Драматургия драматургией, тем не менее по образованию ты юрист. Расскажи подробнее о причинах выбора профессии, вообще, о своём детстве, юности, родителях...

Э. У. Родился я в Тольятти. В далёком 1978 году. Спустя девять месяцев родители решили переехать в Казань. Маме к тому времени было 39. Папе – 53. Он, Раим Хазеевич Учаров, пролетал всю Отечественную на бомбардировщике радистом-пулемётчиком. Был сбит над Белоруссией и месяц жил на луковом поле в немецком тылу. После чего всю оставшуюся жизнь лука не ел. Раненым он был выведен к партизанам мужественной белорусской женщиной и отправлен обратно за линию фронта. После войны отец окончил юрфак. Работал председателем Бауманского районного суда Казани. Так что, можно сказать, что я пошёл по его стопам.

Мама (в девичестве Сухих) родилась в маленьком селе Старая Тушка Кировской области. Когда ходила в школу за пять километров от дома, то очень боялась волков. А они её, кажется, – нет, поскольку нередко показывались на глаза. С золотой медалью поехала поступать в мединститут... После учёбы – 35 лет работы на «скорой помощи».

В шесть лет я пошёл в школу. Годом раньше – за отцовские конфеты – научился читать.

8 марта, когда мне было девять лет, отец умер. Мама часто брала Эдуарда Раимовича, как я любовно назывался всем филиалом, с собой на «скорую». Однажды везли в больницу мужика с топором в голове. У него к шее свисало свежённое ухо. Это было интересно – я ведь мало что понимал тогда... Потом мы уехали в Кировскую область, в город с оригинальным названием Сосновка. Одноклассники меня сторонились – тогда Казань гремела по всему Союзу своей организованной преступностью. И я ушёл в себя. По-настоящему полюбил книги. Перечитал всё, что было в местной библиотеке. За книгами посылал маму с двумя хозяйственными сумками – на неделю. Самому нужно было блюсти реноме казанского пацана с улицы...

Мама постоянно была на работе. На мне были дрова (лес – шестьдесят метров от дома), огород, магазин, общий присмотр за бабушкой и полностью – за парализованным дедушкой. Дедушка – гений. Бывший бригадир лесосплава. Умножал и делил в уме двузначные и, по-моему, даже трёхзначные цифры. Любил поесть и выпить. В последнем утверждении я полностью убедился, ворочая его в кровати по несколько десятков раз на дню. Протягивал большое полотенце за

спину и при помощи этого нехитрого рычага сажал его на кровати, потом укладывал обратно... Ему, конечно, не лежалось спокойно. Полежи-ка четыре года...

За несколько дней до смерти я напоил его водкой с помощью соски для грудничков. Он очень просил, а я из детской шалости согласился. Дед раскраснелся и пел «три танкиста – экипаж машины боевой». Года два назад мама за это мне сказала спасибо. Она сказала: он много раз просил – а мы с бабушкой не давали. Благодаря тебе, ему было хорошо перед смертью... А вообще, мама говорила, что я рос очень вредным. И родился вредным – поперечно-полостные роды... Лез в мир попой вперёд. Наверное, показывал своё отношение к нему. Всё меняется. Я не исклучение. Добрее себя нынешнего людей не встречал.

А. К. Это, без шуток, и на самом деле так. Но хорошо ли быть добрым, трудно ли это? Я слышал, что на тебя недавно автомобиль наехал на «зебре» и протащил на капоте метров пять, а ты покряхтел только, потёр ушибы и отпустил мерзавца-водителя без претензий. Всегда ли добрые поступки оправданы?

Э. У. Придерживаюсь старой мудрости: «Собирай добро, кидай его в море, и оно к тебе вернётся». Задумываться о том, трудно ли быть добрым в наше время – значит уже не быть добрым, потому что по-настоящему добрый человек просто живёт в гармонии с самим собой, и делать добро ему комфортно, а не выгодно. Однако для каких-то экстренных случаев добро должно тренировать свои кулаки, чтобы быть способным защитить свои идеалы.

А. К. Ответ меня не удовлетворил. Да и просто некоторые вещи невозможно объяснить словами. Это ведь уже вторая твоя «зебра», драматическая (на грани жизни и смерти) и всепрощенческая... Какие уж тут кулаки?! Это больше похоже на какую-то игру с судьбой. И правда, как в твоём стихе, оседлал «зебру», только она раз за разом сбрасывает тебя... Но оставим злополучную тему. Эдуард, когда тебя заинтересовала поэзия? Посещал ли ты ЛитО и кто были твои учителя?

Э. У. После школы мы с мамой вернулись в Казань. Я окончил юридический лицей и поступил на юрфак Академии труда и социальных отношений. Но уже тогда почувствовал тягу к сочинительству. Меня стала серьёзно интересовать поэзия. По природе я слишком стеснителен, и мне было легче публиковаться в Интернете. Там, на литературных сайтах, получил свои первые затычины и пинки, там меня научили рифмовать и обучили азам стихосложения. Так что сетевая поэзия выпестовала меня, а более опытные сетевые авторы и стали моими первыми учителями.

А. К. Когда произошёл твой выход из виртуального подполья?

Э. У. В 2009 году я отправил подборку своих стихов в журнал «Идель». И неожиданно для меня их заметила заведующая отделом Галина Зайнуллина, дав добро на публикацию. Она же дала телефон известного казанского поэта Тимура Алдошина и посоветовала сходиться на заседание литобъединения «Ags» при университете, которое Тимур вёл на пару с другим замечательным поэтом Алексеем Кирилловым. Через них я познакомился с ещё одним интересным поэтом Филиппом Пираевым, подружился с ЛитО «Белая ворона» и её руководителем Наилёй Ахуновой. Так моя виртуальная литературная жизнь начала превращаться в реальную.

«Вещественным доказательством» этого являются две книги стихов, изданные при поддержке друзей и моей жены Галины Булатовой, явившейся редактором-составителем книг. Первая из них – «Подворотня» – вышла в Краснодаре в 2011 году, вторая – «SOSтояние весомости» – у нас в Казани в 2012-м.

А. К. Почему такие необычные названия?

Э. У. Книга стихотворений «Подворотня» названа по одноимённому стихотворению, вызвавшему неоднозначную реакцию читателей. В нём содержались достаточно смелые метафоры и скрытая ирония, которую не

все могли распознать, тем более, когда эта ирония распространяется на текст гражданской тематики. Вот, например, его финал:

**И каждый здесь Растрелли или Росси,
Когда в блаженстве пьяном, от души,
На белом расписаться пиво просит
И золотом историю прошить.**

Название второй книги «SOSстояние весомости» удачно оказалось практически омограммой составляющих её глав: «SOS», «стояние», «вес», «сом», «мост», «ту», где каждая из глав посвящена определённой тематике.

Первая книга была более раскованной и богатой на юношеские эксперименты, вторая выглядела более зрелой. Ну, а выйдет ли третья книга стихов, будет зависеть от конкретных издательств, поскольку от практики самиздата я решил отказаться.

А. К. Судя по упоминаниям твоей фамилии в Интернете, ты ещё не полностью ушёл из сетевой поэзии, на нескольких порталах публикуются твои стихи, ты выигрываешь конкурсы. Расскажи об этом подробнее.

Э. У. Действительно, публикую свои стихи на четырёх полярных сайтах – с разными вкусовыми предпочтениями активного числа комментаторов – для того, чтобы получить более-менее объективную оценку своего произведения. Стараюсь искать новые поэтические площадки, когда на старых начинают зашкаливать дежурные хвалебные фразы. В сети получить критический отзыв более реально, чем в жизни, потому что тут играет эффект личного незнакомства. Это упрощает дело, хотя есть риск нарваться на необоснованную грубость. Любой международный сетевой конкурс – это тоже способ проверить себя, поэтому я довольно давно занимаюсь и этим делом. С 2010 года и по сей день у меня накопился не один десяток различных дипломов с конкурсов, проводимых в Америке, Германии, Бельгии, различных городах России. Есть здесь что-то от страсти коллекционера. *(Улыбается.)*

А. К. В нашем альманахе ты как раз освещаешь вопросы сетевой поэзии, а также ведёшь рубрику «Нас пишут – и мы пишем». Как тебе пришла в голову мысль начать писать о поэтах?

Э. У. Первое эссе получилось как-то внезапно по поэтическому циклу Тимура Алдошина «Мама». Я интуитивно почувствовал, что могу себя выразить через поэтический мир других поэтов, нащупав в их строчках созвучие собственным мыслям. А учитывая то обстоятельство, что поэты попадались мне исключительно светлые и добрые, в поиске кандидатов проблемы не было. Так родились эссе по творчеству Алексея Кириллова, Филиппа Пираева и др. Параллельно углублялся в литературно-поэтическую жизнь казанских шестидесятников и ощутил потребность в написании эссе, посвящённых прекрасным и недооценённым поэтам Геннадию Капранову, Юрию Макарову, Леониду Топчию. Я рад, что главному редактору «Казанского альманаха» моя идея понравилась, и он предложил сделать эту рубрику постоянной.

А. К. На каких книгах ты рос? С какими не расстанешься? Первая книга в твоей жизни?

Э. У. Я точно помню, что первое литературное произведение, которое я услышал, были сказки Бажова, которые мне читала мама. До сих пор в памяти звучит её голосом отрывок из сказки «Серебряное копытце». Сам, осознанно, без принуждения и с интересом я начал читать лет в одиннадцать – Дюма и Диккенса. Дюма меня привлекал динамичностью сюжетов, а Диккенс – потрясающим юмором. Единственная книжка, которая у меня постоянно под рукой вот уже в течение нескольких лет, – «Избранное» Мандельштама. При помощи его стихов я могу

искусственно вызывать поэтическое вдохновение, хотя потрясения от знакомства с новыми гениальными поэтами у меня были и позднее. Самый последний такой случай произошёл пару лет назад, когда я открыл для себя «сумеречного ангела русской поэзии» Юрия Кузнецова.

А. К. И в заключение хотелось бы узнать твоё мнение в отношении проблемы, которую наш альманах затрагивает в последних номерах: «Литература и псевдолитература, писатель и имитатор».

Э. У. Если оценивать проблему под общим философским взглядом, то псевдолитературу можно рассматривать по отношению к литературе, как диалектическую необходимость. Это всё равно, что взять такие категории как добро и зло. Если бы в мире не было зла, как бы мы узнали, что такое добро? И соответственно, если бы не было подделочной, псевдолитературы, как бы мы узнали, что есть настоящая литература? Если опуститься на личностный уровень осмысления вопроса, то под настоящим литературным произведением я понимаю строго сбалансированный сплав духовного и интеллектуального опыта при выразительной технической оснастке пишущего. То же самое касается писателей и имитаторов – любой крен в сторону интеллектуальной составляющей, преобладания технических приёмов плюс уход в интертекстуальность ведёт к имитаторству. Подлинный писатель в первую очередь должен делиться своим духовным опытом.

Вспоминаю одну из бесед с покойным Диасом Назиховичем Валеевым и его оригинальную градацию литературного таланта пишущих: на самой вершине – поэт и мастер, чуть ниже – поэт, но не мастера, ещё ниже – мастер, но не поэт, и далее 13 степеней графоманов. В отношении казанской поэзии наши с ним взгляды на сто процентов совпали. Поэтом-мастером я бы назвал Геннадия Капранова, поэтом, но не мастером – Юрия Макарова. И почему-то ближе мне всё-таки именно Макаров, поскольку опыт его сердца, светящийся сквозь непричёсанные строчки стихов, кажется мне более близким и родным. Некоторая взбалмошность, неправильный синтаксис, простоватые рифмы сильнее подчёркивают искренность его поэтической души. Вот уж кто действительно настоящий поэт. Природный кусок таланта как он есть сам по себе.

*Беседу вёл
Андрей Казанский*

